ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

УДК 82.0:821.161.1(075)

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-29-38

Людмила Васильевна Камедина,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: kamedinal@mail.ru

Понимание романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» посредством евангельских ключевых слов

Роман Пушкина является интересным в постижении смыслов этого произведения, которых может быть множество, и каждое поколение прочитывает «Евгения Онегина» по-новому. Ключевые слова Евангелия *свобода-творчество-любовь* могут быть ключом к новому пониманию романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Историю русского мира Пушкин представляет в виде процесса развития личного начала человека, который достигает наивысшего блаженства в единении с божественными истинами в личном творческом акте, направленном на постижение и трансляцию высших ценностей: истины, добра, красоты и блага с целью достижения нового бытия, нового подлинного мира. Таковы герои романа Татьяна Ларина и Автор романа. Если же интересы личности направлены только на себя, на достижение своего комфорта, то личность не достигает цели, она не несёт подлинной правды, добра, красоты и становится несчастной. Таковы главный герой Евгений Онегин, его приятель Владимир Ленский, Ольга Ларина и другие персонажи пушкинского текста. В предлагаемой статье четыре персонажа романа (Онегин, Ленский, Татьяна, Автор романа), несущие главную смысловую нагрузку в тексте, просматриваются последовательно через основные пушкинские «ключи»: *свободу-творчество-любовь*. Каждый герой понимает *свободу-творчество-любовь* по-своему и соответственно этому пониманию осуществляет свою жизнь. Результаты выбора Пушкин описывает в сюжетной линии романа, а духовные смыслы текста выявляются через интерпретацию романа в тео-аксиологическом подходе, что и представлено в статье. Автор опирается на уже достигнутые результаты в исследовании «Евгения Онегина» и даёт новое видение первого русского романа через ключевые понятия пушкинского текста, которые совпадают с главными евангельскими понятиями христианства.

Ключевые слова: евангельское понимание, пушкинские «ключи», свободный роман, свобода, творчество, любовь

Lyudmila V. Kamedina,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: kamedinal@mail.ru

Understanding the Novel *Eugene Onegin* by A. S. Pushkin Through Gospel Keywords

Pushkin's novel *Eugene Onegin* is interesting in understanding the meanings of this work, which can be numerous, and each generation reads this work in a new way. Keywords of the gospel "freedom-creativity-love" may be the key to a new understanding of *Eugene Onegin* by A. S. Pushkin. Pushkin presents the history of the Russian world in the form of a process of development of the personal principle of a man who attains the highest bliss in unity with divine truths in a personal creative act aimed at comprehending and transmitting the highest values: truth, goodness, beauty and good in order to achieve a new being, a new genuine of the world. These are the heroes of the novel Tatyana Larina and the Author of the novel. If the interests of the individual are aimed only at themselves, at achieving their comfort, then the individual does not achieve the goal, it does not carry true truth, kindness, beauty and becomes unhappy. These are the protagonist Eugene Onegin, his friend Vladimir Lensky, Olga Larina and

© Камедина Л. В., 2019

other characters of the Pushkin text. In this article, four characters of the novel (Onegin, Lensky, Tatyana, Author of the novel), bearing the main semantic load in the text, are viewed sequentially through the main Pushkin "keys": freedom-creativity-love. Each hero understands freedom-creativity-love in his own way and, according to this understanding, carries out his life. Pushkin describes the selection results in the storyline of the novel, and the spiritual meanings of the text are revealed through the interpretation of the novel in a theo-axiological approach, which is presented in the article. The author draws on the results already achieved in the study of Eugene Onegin and gives a new vision of the first Russian novel through the key concepts of the Pushkin text, which coincide with the main gospel concepts of Christianity.

Keywords: gospel understanding, Pushkin keys, free romance, freedom, creativity, love

Введение. Теоретической основой доказательства выбранной темы исследования станет научный труд А. Вежбицкой, в котором автор разворачивает принцип связи между языком и культурой с помощью ключевых слов [3]. Объектом исследования выбран роман «Евгений Онегин», предметом интереса является выявление связи между евангельской триадой *свобода-творчество-любовь*, совпадающей с указанными ключевыми слова в пушкинском тексте и соответственно понимание романа через духовные смыслы указанной триады. Цель статьи более скромная – установить связь между евангельскими словами Христа, в которых заключён смысл жизни человека, и ключевыми словами пушкинского текста, составляющими концепт жизни героев романа.

Актуальность осмысления главного романа русской литературы через евангельские слова-концепты заключается в том, что в XXI веке после постмодернизма литература обратилась к человеку духовному, к духовным смыслам жизни. Сегодня общество пытается восстановить ценности свободы личности, свободы творчества, свободы любви, однако относится к этим понятиям индивидуально, а не универсально. Пушкин в романе актуализирует евангельскую триаду *свобода-творчество-любовь* и рассматривает её неразрывно от личности, что делает духовные смыслы романа современными. Человек XXI века так же занят поиском истины, как и во времена Христа. Представляется актуальным извлечь из казалось бы знакомого романа Пушкина новые идеи и смыслы, предназначенные для читателя XXI века. Глубокие прозрения Пушкина остаются справедливыми и важными даже спустя двести лет.

Методология и методы исследования. Методологией исследования служат структурно-семиотический и тео-аксиологический подходы, которые помогают через главные евангельские слова *свобода, творчество, любовь* структурировать роман, поставить их на высшую ступень в иерархию смыслов романного материала, через них обозначить истину русской жизни, как её понимал сам

Пушкин. Сравнительный метод используется в исследовании данной темы для широкого сопоставления ключевых слов романа «Евгений Онегин» *свобода, творчество, любовь* с концепцией Евангелия, основанной на учении Христа.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследователь русской литературы Ю. М. Лотман предлагает отказаться от стереотипов в понимании пушкинского романа, т. к. простое перечисление проблем не введёт читателя в мир «Евгения Онегина»; надо видеть текст как «органический художественный мир, части которого живут и получают смысл лишь в соотнесённости с целым», а художественная идея всегда подразумевает «преображение жизни в искусстве» [10, с. 31]. В пушкинском романе формируются идеалы, ценности и установки героев на смысл жизни. По мнению А. Вежбицкой, язык народа, а в данном случае, это русский язык, может концептуализировать действительность, а любой концепт, закодированный в слове, может представлять универсальный смысл для данной культуры [3]. На христоцентризм романа обращали внимание исследователи и писатели М. М. Дунаев, Н. П. Жилина, В. А. Кошелев, Ю. М. Лотман, В. С. Непомнящий, В. В. Набоков и др., однако никто не связывал евангельскую парадигму *свобода-творчество-любовь* с романом «Евгений Онегин». Исследование проводится впервые.

Ю. М. Лотман называет составляющую парадигму пушкинского текста, выявляя её в словах *свобода, творчество, любовь*, относя эту парадигму ко всем произведениям Пушкина. Однако Лотман рассматривает эти понятия с точки зрения светских наук и определений, например, он соотносит свободу «русских европейцев» Онегина и Ленского с либеральными представлениями их современников о свободе, понимая её в политическом ключе, а свободу Татьяны Лотман трактует как трагический выбор ею своей судьбы как осознанной необходимости [10, с. 85–92]. «Творчество» Онегина, Ленского и Татьяны анализируется в исследованиях Лотмана исключительно в эстетическом понимании этого

слова и процесса деятельности, а «любовь» трактуется им только в нравственном смысле данного понятия [10, с. 30–106]. Анализ романа через условно называемый парадигмальный уровень уже осуществлялся Л. В. Камединой с опорой на семиосферу Ю. М. Лотмана [8, с. 24–32].

Трактовку «свободы» через авторское мировоззрение Пушкина 1830 года, когда был завершён роман, дал В. С. Непомнящий. К этому времени Пушкин пришёл к христианскому ощущению жизни, по мнению исследователя, «поэтому сюжет героев, находящийся “внутри” романа, является (говоря музыкальным языком) “материалом”, в котором “излагается тема” автора»¹ [12, с. 163–164]. Непомнящий полемизирует со сторонниками эстетического подхода к «Евгению Онегину», относя «свободу» к целеустремлённости автора романа, который уже различал «даль свободного романа» не в навязанных романских сюжетах времени, а в свободе выбора сюжетных линий героев своего произведения. В этом же ключе трактует Непомнящий и понятие «творчества» как свободное творчество гения, отсюда весь роман с его контекстами видится исследователю как явление творческой жизни самого Пушкина. «Любовь» Татьяны обозначена им как поступок по-совести, соотносённый с главным Судьёй – Богом [Там же, с. 168–171].

Исследователи по разным случаям обращаются к духовным аспектам романа «Евгений Онегин». Например, М. М. Дунаев исследует Онегина и Ленского через эвдемонический, а Татьяну – через сотериологический тип культуры, где эвдемонизм героев романа рассматривается через призму получения блаженств земных, а отрицание ценностей эвдемонизма по религиозным причинам трактуется через образ Татьяны как спасительный² путь жизни [4, с. 273–283]. Н. П. Жилина рассматривает творчество Пушкина в контексте христианской аксиологии, акцентируя внимание на понятиях *свободы*, *милосердия*, *Дома*, соответственно, выбора героев между добром и злом [5]. В. А. Кошелев затрагивает евангельский «календарь» пушкинского «Онегина», с которым соотносилась русская жизнь и который представлял «особую эстетическую модель времени» от Рождества до Пасхи, т. е. непереходящий и переходящий порядок евангельского времени с включёнными в него основными событиями романа

«Евгений Онегин» в их новом христианском освящении [9].

Свобода, творчество, любовь, несомненно, являются главными понятиями в Евангелии, относящимися к личности Бога и личности человека. Евангелие даёт трактовку этим понятиям: свободные – это сыны Божии, а рабы – сыны греха. Христос говорит ученикам: «Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики. И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» [Ин. 8:31–32]. Если христианин пребывает в слове Божьем, то Господь обещает ему два приобретения – знать Истину и быть свободным. В Евангелии Христос неоднократно говорит о свободе как необходимости человека: «Истинно, истинно говорю вам: всякий делающий грех, есть раб греха... Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» [Ин. 8:34–36]. В словах Христа – сущность духовной свободы. Он призывает не цепляться за материальный мир, ибо еда и одежда не больше человека, а душой жить в Боге – это и есть истинная свобода личности.

Как же соотносится евангельское представление о свободе с понятиями свободы у главных героев романа и у самого Пушкина?

У Пушкина в романе определяется три вида свободы: иррациональная с абсолютным личным произволом; рациональная в либеральном духе, связанная с политическим или моральным долгом; высшая свобода выбора между добром и злом в евангельском понимании.

В романе концепция *свобода-творчество-любовь* концентрируется вокруг четырёх главных героев: Онегина, Ленского, Татьяны и Автора романа. Безымянный Автор романа является «приятелем» Онегина, он знает Ленского, любит Татьяну. Этот придуманный Пушкиным Автор романа не совпадает с Александром Сергеевичем Пушкиным, но часто совпадает с его идеями. По мнению Пушкина, индивидуализм, эгоизм делают человеческую природу несвободной и невосприимчивой к творчеству. Таков Онегин: он занят только собой, своим лицом, одеждой, английской модой, интерьером своего английского кабинета, «любовной наукой», которую он постигает с помощью книги Назона «Наука любви», и соблазняет замужних женщин [13, с. 61]. Онегин проводит жизнь в пирушках, на балах, именинах, а также в театре, чтобы показать себя и познакомиться с хорошенькими актрисами [Пушкин, с. 7–16]³. В индивидуа-

¹ Все слова, отмеченные курсивом, как в цитатах исследователей, так и в цитатах пушкинского текста, сохраняются в авторском варианте

² От *soter* (лат.) – «спаситель».

³ Здесь и далее указаны ссылки на издание: Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. – М.: Правда, 1981. – С. 3–182.

лизме человек лишается подлинной реальности. Онегин как «русский европеец» живёт в созданной им реальности светских правил жизни, заимствованных у Европы: английской моды, «английского кабинета», «английского *сплина*», книг Адама Смита и Байрона. По мнению Пушкина, такой индивидуализм не может создать условий для полноценной свободной жизни личности, поэтому Онегин – раб вещей, моды, условностей света. Его свобода, о которой он так печётся, носит рабский характер личного произвола, он не может отказаться от комфорта той жизни, которую сам себе создал.

Онегин позиционирует свою свободу, «надев широкий боливар» [13, с. 71], он освобождает крестьян от барщины, заменив её «оброком лёгким». Однако этот «порядок новый» был им заимствован из экономики Адама Смита для того, «чтоб только время проводить» [Пушкин, с. 30]. Онегин, конечно, не думал о крестьянах, он убивал время в деревенских развлечениях. Поступки Онегина носят эгоистический характер. На него навалилась тоска, в результате которой появилась злость на Ленского, состоялась дуэль и безжалостное убийство юного друга, после чего Онегин поехал развлекаться и «начал странствовать без цели» [Там же, с. 145]. Только в последней встрече с Татьяной он признаётся в том, что по глупости не мог отказаться от «постылой свободы». Однако и теперь, объяснившись с замужней Татьяной, он восклицает: «Всё решено: я в вашей воле, / И предаюсь моей судьбе» [Там же, с. 154]. Но Татьяна молчит: «Ответа нет» [Там же]. Героиня оставляет Онегина в свободе выбора, т. е. предлагает ему принять евангельский тип свободы как ответственности за свои поступки. Онегин лишён всякой ответственности, поэтому взваливает её на Татьяну. Пушкинская героиня понимает это и обрисовывает дальнейшие действия Онегина так: «Что ж ныне / Меня преследуете вы? / Зачем у вас я на примете? <...> Не потому ль, что мой позор / Теперь бы всеми был замечен / И мог бы в обществе принести / Вам соблазнительную честь?» [Там же, с. 159]. Русская духовная традиция, к которой принадлежит Пушкин, не сводит христианскую свободу лишь к борьбе «за права индивидуума». По словам русского религиозного философа Н. А. Бердяева, свобода – не «формальное право», а обязанность христианина, «свобода есть бремя и тягота, которую нужно нести во имя высшего достоинства и богоподобия человека» [1, с. 65]. Такой свободой не обладает не только

Онегин, но и его друг, поэт-романтик Владимир Ленский.

Ленский понимает свободу в духе немецких поэтов-романтиков как политический и моральный долг. Он окончил Гёттингенский университет, нахватался субъективно-идеалистических идей Канта и научился писать романтические поэмы в немецком духе. Он мнит себя поэтом-вольнолюбом, поклонником свободы. Пушкин знает, что цель поэта будет достижима не в индивидуальном, а в универсальном, но Ленский как «поклонник Канта и поэт» стоит на индивидуалистических позициях поэта-романтика. Он не способен отразить нужды русского мира своей «гёттингенской душой», его поэзия подражательная, заимствованная. Да и Ольгу он полюбил только за то, что она была похожа на героиню немецких баллад. Своим нравственным долгом Владимир считал жениться на ней.

Ленский сотворил себе кумиров из безжизненной «странной» поэзии, из придуманной Ольги как её героини. Он стал рабом и заложником духа пылкого и восторженного, рабом белокурой голубоглазой невесты. Опять хотелось бы сделать ссылку на Н. А. Бердяева, который делает довольно интересное заключение: пока человек строит свою жизнь на мифологическом миропонимании, он не может возвыситься над природой в акте познания, потому что нельзя строить железные дороги, проводить телеграфы и телефоны, страшась демонов природы; когда человек находится внутри природы, он не может овладеть её силами, а как только освободится от власти природы, то начнёт воздействовать на неё, использовать природные силы в своих интересах [2, с. 87].

Ленский не сумел преодолеть магическое поклонение природе. Он отказался от евангельской свободы в выборе добра и, выбрав Ольгу как героиню своих поэтических баллад, лишился не только свободы, но и жизни. Для него белокурая Ольга превратилась в «белокурую бестию» Лорелею, которая заманивает своим пением моряков на скалы и разбивает их корабли. Даже если бы Ленский остался жить, то вновь бы не обрёл свободы. Пушкин подтверждает это двумя выходами его предполагаемой будущей жизни: либо он продолжал бы петь свои «странные», не имеющие отношения к русской жизни, песни; либо «Расстался б с музами, женился, / В деревне счастлив и рогат / Носил бы стёганный халат; / Узнал бы жизнь на самом деле...» [Пушкин, с. 114–115]. Знаний реальной жизни Ленскому и не хватило, чтобы стать свободным в

творчестве и подлинным творцом поэзии и жизни.

Татьяна Ларина как идеальная героиня Пушкина наделена поэтом истинной свободой в высшем евангельском проявлении. Сначала Татьяна называет свободой свою привольную сельскую жизнь, одинокие размышления на фоне природы. Татьяна вписывается Пушкиным во все времена года. Кажется, только Татьяна и замечает смену времён года и любит русскими пейзажами. Онегину и Ленскому нет до этого дела, их интересует другая материя.

Пойдя путём несвободы, «сочинив», а вернее, списав из французских любовных романов письмо к Онегину, Татьяна выбрала путь страсти [13, с. 381–393]. Пушкин увёл свою любимую героиню с этого ложного пути, открыв ей глаза на истину – сущность Онегина: сначала во сне, где герой предстаёт главарём бесовского шаша; потом после посещения кладбища, где похоронен Ленский. Татьяна расстаётся со своей «сельской свободой» и делает евангельский выбор: смирение перед матерью («Меня с слезами заклиний / Молила мать») и твёрдое решение в замужестве («Но я другому отдана; / Я буду век ему верна») [Пушкин, с. 160]. Свобода Татьяны в её свободном выборе ответственности перед мужем, обществом, Богом.

Поэт и переводчик В. Микушевич строчку Пушкина «Но я другому отдана» трактует по-евангельски оригинально [11]. Если Ольга без любви к заезжему улану легко ему «отдалась», то о Татьяне сказано: «отдана». Микушевич рассуждает так: «Татьяна пишет: „Другой!.. Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я! / То в высшем суждено совете... / То воля неба: я твоя...“. Спрашивается, нарушила ли Татьяна волю неба или изменила своё мнение о том, что суждено. Если она теперь верна „другому“, не нарушила ли она свою верность „другому“? С одной стороны, Татьяна верна „другому“, „толстому генералу“, но она не отдала ему сердца, что подтверждается её обращением к Онегину: „Я вас люблю (к чему лукавить?)“. Другой, которому она верна – это никто иной, как Сам Христос, установивший таинство брака» [Там же]. Эта оригинальная мысль Микушевича доказывается им ошибкой перевода с французского слова «изувечен», когда Татьяна говорит о муже-генерале, участнике войны 1812 года. Микушевич предполагает, что Татьяна, которая «по-русски плохо знала», с Онегиным говорит по-французски и произносит слово «mutiler», обозначающее «ранение-увечье»,

не позволяющее генералу быть «мужем», что не секрет ни для двора, ни для родни. Отсюда вопрос Онегина: «Так ты женат! Не знал я ране! Давно ли?» «Около двух лет», – отвечает генерал [Там же]. За два года, замечает Микушевич, брак остался бездетным. Онегин не чувствует вины перед другом, объясняясь в любви его жене [Там же]. Мысль Микушевича оригинальна, но то, что Татьяна свободна в выборе и ответственна в своём поступке, доказывается многими исследователями.

Четвёртый важный герой «Евгения Онегина» – Автор романа, так его называет Ю. М. Лотман [10]. Автор романа отделён от А. С. Пушкина, но часто совпадает с ним по концепту *свобода-творчество-любовь*. Главное понимание свободы у обоих авторов – это, конечно, свобода творчества. Тема свободы творчества в романе проходит параллельно главному сюжету. Автор романа касается её в каждой главе. Он формулирует цель поэзии и смысл жизни поэта: «Я был рождён для жизни мирной», «Для сладкой неги и свободы», «Свободен, вновь ищу союза / Волшебных звуков, чувств и дум» [Пушкин, с. 26, 27]. Автор романа подчёркивает мысль о том, что свобода неразлучна с творчеством – это и есть евангельская мысль Христа о свободном человеке-творце.

Пушкин, освободившись от языческих и либеральных представлений о мире, пришёл к христианству и начал поиск новых форм творческого самовыражения. Он создаёт новую форму романа – «роман в стихах»; новую героиню с новым в литературе именем («Её сестра звалась Татьяна... / Впервые именем таким / Страницы нежные романа / Мы своевольно освятим»); первый в мировой литературе роман с иными сюжетом, героями, проблемами, идеями – и назовёт его «свободным романом» («И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Ещё не ясно различал») [Там же, с. 38, 162]. Здесь важно отметить ключевые слова поэта: *впервые, своевольно и свободный роман*. В этих словах понимание Пушкиным принципиально нового свободного творчества. Пушкин выбрал этот путь «своевольно», начав разрушение ложного пути, предначертанного для России Западной Европой.

Таким образом, Пушкин принимает формулу свободного творчества от Бога-Творца и мысль о свободе как ответственном выборе между добром и злом. Онегин и Ленский предпочли абсолютизировать свободу, отделив её от Бога и человека, чтобы тем самым онтологизировать зло, погрузив его в хаос

иномирия (Сон Татьяны) и в мифопоэтику мистических поэм Ленского. Неправильно понятая свобода обрекла героев на пожизненную скуку, тоску.

Второе важное евангельское понятие в романе «Евгений Онегин», связанное с личностью, – это творчество. В главной православной молитве «Символ веры» даётся определение Богу по его действиям – «Творец Неба и Земли». Поскольку человек сотворён по Образу и подобию Божию, то он наследует творчество как богоданное. У философа И. А. Ильина есть рассуждения «о творческом человеке», где он подчёркивает право художника и человека творить свою жизнь; по его мнению, творческий человек ничего не создаёт и не изобретает, он находит давно искомое и выражает найденное «в новом облачении» – так человек творческий воссоздаёт Божью идею, радуется Божьему замыслу и удивляется восстановленной Красоте, «чуя отблеск Божией благодати в своём создании» [6, с. 321–325].

В Евангелии замысел о человеке-творце закодирован в притчу о талантах: одни вкладывают полученные от Бога таланты в дело, другие закапывают свой талант. Первых Господь одаривает и призывает к радости бытия, а последних называет лукавыми и ленивыми рабами, которые приобретут только страх, плач и боль в жизни [Мф. 25:14–30]. Господь даёт дар, чтобы человек употребил его на пользу ближним и себе во спасение. Бог как Творец передаёт энергию творчества человеку как Своему подобию.

Пушкин в романе даёт представление о трёх типах творчества: творчество, понимаемое как учёность; творчество как сотворение своей жизни; свобода творчества как концепт сотворения нового текста.

Через призму евангельского концепта творчества в романе просматриваются все герои. Онегин, конечно же, не творец, он – подражатель всему, чем занимается русское европеизированное общество: «Коснуться до всего слегка, / С учёным видом знатока», одеться как денди лондонский, говорить по-французски, уметь танцевать, сочинять эпиграммы и любовные записки, писать по-латыни, знать исторические анекдоты, посещать театры и рестораны [Пушкин, с. 7–16]. Когда же Онегин захотел заняться творчеством – сочинительством стихов, что было модно в ту эпоху, то из этой затеи ничего не вышло: «Зевая, за перо взялся, / Хотел писать – но труд упорный / Ему был тошен; ничего / Не вышло из пера его» [Там же, с. 21]. Когда Онегин понял, что

талант свой он променял на лень и комфорт, то «Уселся он – с похвальной целью / Себе присвоить ум чужой», однако и здесь потерпел неудачу – «Читал, читал, а всё без толку» [Там же]. Таким образом, «ленивый раб» зарыл свой талант лукавством и праздностью.

Ленский также поставлен Пушкиным в концепт творчества первого типа: «Он из Германии туманной / Привёз учёности плоды», пел «...*нечто* и *туманну даль*, / И романтические розы», что Автор романа назовёт «любовной чепухой» [Там же, с. 31, 33, 108]. Творчество Ленского заключается в написании «надгробного мадригала» старику Ларину, модных элегий, рисунков «сельского вида»: храма Киприды, «на лире голубка», а также подписей под ними [Там же, с. 44, 74]. Автор романа намекает, что Ленский писал бы и оды, «Да Ольга не читала их» [Там же, с. 77]. Таким образом, и Ленский не наделён Пушкиным истинным талантом, поэт-романтик предпочёл модное сочинительство романтической чепухи, далёкой от подлинной жизни и подлинных человеческих чувств. В лице безжизненного поэта-романтика Владимира Ленского Пушкин уничтожил романтизм, отказавшись от него как нерусского направления в национальной поэзии России.

Творчество в евангельском концепте как соответствие религиозной идее спасения рассматривалось ранее Л. Камединой: если христианство есть религия спасения, то это спасение должно осуществиться через творчество, ибо творческие дары даны человеку Богом [7]. Через творчество Ленского невозможно было спастись ни русскому человеку, ни самому поэту. Он сам не понимал, о чём он пишет. Творчество в евангельской концепции направлено на преображение мира, однако, если человек грешный, то он создаст не новую жизнь, а культурный продукт. Так, Ленский создаёт романтические произведения как модный культурный продукт, нимало не заботясь о результатах своего творчества.

Только Татьяна как любимая героиня Пушкина наделена в романе творчеством как сотворением своей жизни по евангельскому образцу. Она творец своей семьи, «модного дома», своих отношений с чуждым ей светом, мужем-генералом и Онегиным. В подобном ключе образ Татьяны Лариной представлен в исследованиях В. С. Непомнящего, Ю. М. Лотмана [10; 12].

Автор романа как творец текста о своём «добром приятеле» Онегине наделён эпитетами, глаголами, соотнесёнными с сочинительством: «творческие сны», «новорождён-

ное творенье», «мои летучие творенья», «младое вдохновенье», «моё воображение», «малый труд», написал, перечитал, вообразил, пересказал, сочинил, думал, назову и т. п. Автор романа обращается к Музе за благословением его труда: *«Благослови мой долгий труд, / О ты, эпическая муза! / И, верный посох мне вручив, / Не дай блуждать мне вкось и вкривь»* [Пушкин, с. 139]. Пушкин просит благословения на создание «нового романа». Это уже не будет роман классицистический, романтический, это будет «свободный роман» в новом реалистическом духе.

Автор романа надеется на своего читателя, который одобрит его новый труд. Однако «роман в стихах» может быть и не понят, т. к. читатель привык к романам «Ричардсона и Руссо», к героям Юлии и Вольмару, к стилю изящной словесности XVIII – начала XIX века. Пушкин ломает застывшие установки на художественное творчество, уходит от просветительского и сентиментального романов.

Таким образом, роман «Евгений Онегин» становится общественным фактом русской жизни. Гений Пушкина сумел соединить универсальные евангельские представления о мире с новой культурой XIX века, сохранив христианское отношение к человеку как к творцу, наделённому Богом-Творцом талантом и ответственностью перед Русской землёй. «Учёность» европейского типа он противопоставил творчеству евангельского типа. Как писал в своих «Триадах» святитель Григорий Палама, «знание, добываемое внешней учёностью, не только неподобно, но и противоположно истинному и духовному» [14, с. 18].

В парадигме *свобода-творчество-любовь* по частотности употребления на первое место Пушкин поставил «любовь». Слово «любовь» и его варианты «влюблена», «любовник», «полюбовно», «разлюблю», а также образованные от них прилагательные, причастия, деепричастия и глаголы встречаются в романе 114 раз. Слово «любовь» соотнесено со всеми героями романа: с Онегиным чаще звучит вариант «разлюблю», «любовник»; у Ленского – «любил»; у Татьяны – «влюблена», у Автора романа – «люблю». Другие герои тоже «приклеены» к этому слову, например, Ольга, в альбоме которой все писали *«Кто любит более тебя, / Пусть пишет далее меня»*; мать Лариных «...любила Ричардсона»; няня Татьяны «...не слыхала про любовь» [Пушкин, с. 40, 53, 75].

В романе три типа любви: любовь как наука, любовь-страсть, любовь к человеку в евангельском смысле.

Евангелие говорит о любви как о высшей христианской добродетели. Смысл жизни христианина – возвращать в себе любовь. Любовь – ипостась Бога, Бог есть Любовь. В разговоре с фарисеями Христос уточняет главную заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим; <...> Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22:37–39]. Любовь к Богу и есть бескорыстная любовь к ближнему. Любить Бога – это творить добро, избегать зла. Любить ближнего – это желать ему добра, нисходить к его недостаткам. Апостол Павел произносит гимн любви: «Любовь терпелива и добра. Любовь не завистлива и не ревнива; не хвастлива или тщеславна, не высокомерна, не самомнительна – не надменна, не напыщенна гордостью; она не грубит и не ведёт себя неприлично. Любовь не упряма, она не настаивает на своих правах, или на своём пути. Любовь не обидчива, не раздражается и не держит зла» [1 Кор. 13:4–7].

Как же выглядят герои романа Пушкина в понимании любви?

Онегин учится любить «по науке» у античного поэта Овидия Назона. Герой льстит, лицемерит, ревнует, пишет записки, любовные письма, добивается тайного свиданья, соблазняет чужих жён, чьи мужья даже не догадываются об этом: *«Его ласкал супруг лукавый, / Фобласа давний ученик, / И недоверчивый старик, / И рогоносец величавый, / Всегда довольный сам собой, / Своим обедом и женой»* [Пушкин, с. 9–10]. Любовь Онегина – это временная страсть, удовлетворение своих плотских и эгоистических желаний. «Наслаждаясь не любя», он тотчас оставлял своих любовниц и уже не вспоминал о них. Людей Онегин презирал; иронизировал над влюблённым Ленским; отказался от любви Татьяны, считая её деревенской простушкой, недостойной его, столичного аристократа и денди. Любовь и злость соседствуют в речи и характере Онегина. Со злости он убил Ленского, злился на весь белый свет и, как подчёркивает Пушкин, обладал «озлобленным умом». «Инвалид любви» Онегин способен только на любовь к самому себе: *«Трудов напрасно не губя, / Любите самого себя»* [Там же, с. 72]. В последнем объяснении с Татьяной он ведёт себя так же, как вёл всегда со всеми замужними женщинами. Татьяна это чувствует, поэтому отказывает ему в адюльтере. В финале романа герой остаётся у разбитого корыта, он уже не сможет полюбить ни женщину, ни ближнего.

Молодой поэт-романтик Ленский любит своё творчество и воображаемые этим твор-

чеством предметы. Так он придумал, вообразил Ольгу. Автор романа называет его «послушником любви». Ленский подражает в любви романтическим героям: «исповедует» старшему другу Онегину, любит забавами молодой Ольги, мечтает, уединяется, не спит ночами, сочиняет поэтические строки [Пушкин, с. 36–38]. Ни о какой истинной любви между Ленским и Ольгой не может идти речи. В ревности Ленский поступает так же, как романтические герои: он вызывает Онегина на дуэль, пишет прощальное любовное письмо возлюбленной и бесславно погибает. Ленский пал не жертвой любви, а жертвой собственного воображения и мечтания.

Пушкин знает, что любовь – акт творческий, созидющий иную жизнь, побеждающий светский мир, преодолевающий природную необходимость. Творчество любви не знает послушания ничьей воле, оно абсолютно дерзновенно. Ленский же «пел любовь, любви послушный».

Любовью в высшем смысле живут в романе Татьяна и Автор романа. Пушкин подчеркивает в Татьяне то, что отсутствует у других героев: она любила рано вставать, «любила русскую зиму», русские праздники. Она любила Онегина, Ленского как брата, свою семью, она заставила себя полюбить мужа-генерала, изувеченного в боях. Татьяна возвращает в себе любовь как необходимое для жизни чувство. Её страсть к Онегину была подавлена трагическими событиями дуэли и смерти Ленского, тайным посещением дома Онегина, чтобы «русскою душою» понять чуждый ей байронический дух избранника сердца и заставить себя подавить влюблённость к герою не её романа. Она делает свободный выбор в защиту своего будущего. Героиня Пушкина демонстрирует культуру любви. Она не отказывается от своих чувств, говоря Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?)». Однако при этом добавляет: «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» [Там же, с. 160].

Примечательно, что по отношению к страсти юной Татьяны Пушкин употребляет такие выражения, как «влюбилась», «любовник Юлии Вольмар» (теперь это Онегин), «возлюбленные», «любви пленительные сны», «тоска любви», «любовь невинной девы», «робкая любовь», «дамская любовь». Эта «дамская любовь» будет усилием воли преобразована в любовь евангельского типа. Татьяна не озлобится, не затаит обиду, не будет мстить – она будет любить Онегина-человека, а не героя романа.

Автор романа признаётся в любви к русскому миру, людям, к своим героям. Он так же, как и Онегин, любит балы, театры, балет, актрис, красивых женщин. Он также влюблялся, перестрадал, тосковал – и сохраняет любовь к предмету своей страсти, только теперь его любовь другого толка. Он научился любить человека! Как только страсть была преобразована в любовь, творец романа признаётся: «Прошла любовь, явилась муза, / И прояснился тёмный ум. / Свободен...» [Пушкин, с. 27]. Оказывается страсть и творчество, страсть и свобода – «вещи несовместные». Только любовь, по мысли Пушкина, делает человека творцом и свободным. Именно в это время Пушкин и ставит вопрос о свободе творчества как главном пути своей жизни. Автор романа полюбил «дружеские враки», русский час перед обедом, русскую речь, русскую природу и заключил: «Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный кособогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи – / Да пруд под сенью ив густых, / Раздолье уток молодых...» [Там же, с. 172]. То же самое заявляет Татьяна в последней сцене свидания с Онегиным, она рада отдать «модный дом и вечера» «За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище...» [Там же, с. 160]. Автор романа любит и Онегина, и Татьяну, жалеет Ленского: «Люблю героя моего», «...я так люблю / Татьяну милую мою!», «Друзья мои, вам жаль поэта» [Там же, с. 73, 114, 116].

Любовь в пушкинском романе есть русская любовь, которая связана с ответственностью самого человека. Любовь как универсальная энергия жизни обладает способностью превращать страсти плотские в страсти творческие. Поэт руководствуется любовью к добру. Душа русского человека сформирована Православием, она религиозна, отсюда любовь к человеку у Пушкина есть излучение творческой энергии: благо получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий. К дающим и жертвующим относятся Татьяна и Автор романа, а к требующим и поглощающим – Онегин, Ленский и Ольга.

Заключение. Таким образом, в евангельской триаде романа *свобода-творчество-любовь* Пушкин говорит о взаимозависимости каждого члена триады. Он как гениальный творец наделяет талантом любимых героев и обозначает бездарность не любимых персонажей. Любовь как этическое понятие упоминается в романе 114 раз с различными вариациями, но в иерархии всех

этих слов на высшую ступень поставлена автором Любовь к человеку, которая есть Любовь к Богу, заполняющая душу и делающая её способной к поступку добра и ответственности за себя и ближнего в русском мире романа. Понимание романа через ключевые слова евангельской триады, рассмотренной

в тео-аксиологическом подходе, по-новому раскрывает восприятие творчества самого Пушкина, его мироощущения и смысл жизни русского человека, который передаётся читателю через духовные смыслы романа, ставшего для России общественным явлением.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. Ч. 1–2. М.: Христианская литература, 2001. 736 с.
5. Жилина Н. П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 311 с.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
7. Камедина Л. В. Творчество как преодоление зла в духовно-нравственном становлении личности. Чита: ЗабГПУ, 2002. 160 с.
8. Камедина Л. В. Текст в диалоге с читателем. Чита: ЗабГУ, 2017. 179 с.
9. Кошелев В. А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. трудов. Петрозаводск: ПГУ, 1994. С. 131–150.
10. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
11. Микушевич В. Тайна Татьяны Лариной. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 03.07.2019). Текст: электронный.
12. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М.: Наследие, 1999. 544 с.
13. Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М.: Интелвак, 1999. 1008 с.
14. Палама Григорий, святитель. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995. 344 с.
15. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3 кн. Репр. изд. 1987 г. СПб.: Изд. А. П. Лопухина, 1904–1913.

Статья поступила в редакцию 12.08.2019; принята к публикации 10.09.2019

Сведения об авторе

Камедина Людмила Васильевна, доктор культурологии, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: kamedinal@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0308-8696.

Библиографическое описание статьи

Камедина Л. В. Понимание романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» посредством евангельских ключевых слов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-29-38.

References

1. Berdyaev, N. A. About the appointment of a person. M: Republic, 1993. (In Rus.)
2. Berdyaev, N. A. The meaning of the story. M: Thought, 1990. (In Rus.)
3. Vezhbitskaya, A. Understanding of cultures through the medium of keywords. M: Languages of Slavic culture, 2001. (In Rus.)
4. Dunaev, M. M. Orthodoxy and Russian literature in 6 parts. M: Christian literature, 2001. Part I-II. (In Rus.)
5. Zhilina, N. P. Creativity of A. S. Pushkin in the context of Christian axiology: ontological and anthropological aspects. Kaliningrad: Publishing House of the RSU named after I. Kant, 2009. (In Rus.)
6. Il'yin, I. A. The path to evidence. M: Republic, 1993. (In Rus.)
7. Kamedina, L. V. Creativity as overcoming evil in the spiritual and moral formation of personality. Chita: ZabGPU, 2002. (In Rus.)
8. Kamedina, L. V. The text is in dialogue with the reader. Chita: ZabSU, 2017. (In Rus.)

9. Koshelev, V. A. Gospel "calendar" of Pushkin's *Onegin* (to the problem of the inner chronology of the novel in verses). Gospel text in Russian literature of the 18th-20th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection. scientific labor. Petrozavodsk: PSU, 1994: 131–150. (In Rus.)
10. Lotman, Yu. M. The school of poetic words: Pushkin, Lermontov, Gogol. M.: Education, 1988. (In Rus.)
11. Mikushevich, Vladimir. Secret of Tatyana Larina. Web: 03.07.2019. <http://www.stihi.ru>. (In Rus.)
12. Nepomnyashchy, V. S. Pushkin. Russian picture of the world. M: Heritage, 1999. (In Rus.)
13. Nabokov, V. V. Comments on "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin. M: NPK Intelvak, 1999. (In Rus.)
14. Palamas Gregory, saint. Triads in defense of the Sacred Silent. M: Canon, 1995. (In Rus.)
16. Explanatory Bible, or Commentary on all books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in 3 books. SPb.: Publ. A. P. Lopukhina, 1904–1913. Reprint edition of 1987. (In Rus.)

Received: August 12, 2019; accepted for publication September, 2019

Information about author

Kamedina Lyudmila V., Doctor of Culturology, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: kamedinal@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0308-8696.

Reference to the article

Kamedina L. V. Understanding the Novel Eugene Onegin by A. S. Pushkin Through Gospel Keywords // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 5. PP. 22–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-22-38.